

ТЕЛЕСНОСТЬ МУЖЧИН РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ В РЕЖИМАХ ТРУДА И ПРИВАТНОЙ СФЕРЫ

Александрина Ваньке

Александрина Ваньке – преподаватель факультета социологии Российского государственного гуманитарного университета. Адрес для переписки: Миусская площадь, 6/5, каб. 401, Москва, 125993, Россия. alexandrina.vanke@gmail.com.

Статья основана на результатах проекта, осуществленного на базе Института социологии РАН в 2009–2013 гг.

Мне хотелось бы поблагодарить Елену Рождественскую, Ирину Тартаковскую, Елену Здравомыслову и Анжелику Литвинову за помощь и обсуждения на разных этапах проведения исследования. Я благодарна рабочим, согласившимся принять участие в исследовании, а также анонимным рецензентам и редакторам журнала Laboratorium за комментарии и замечания, которые позволили улучшить статью.

В статье рассматривается маскулиная телесность, помещенная в трудовое пространство завода и стройки и проявляющая себя в приватной сфере рабочих через сексуальность и «заботу о себе». Предметом сопоставления выступают рассказы о телесности мужчин рабочих профессий из Москвы и Санкт-Петербурга, записанные автором статьи в 2010–2011 годах. Как рабочие рассказывают о своем теле? Как маскулиная телесность соотносится с режимами труда московской стройки и петербургского завода? Каковы сексуальные стратегии, реализуемые мужчинами-рабочими? Каким образом маскулиный субъект конституируется посредством практик «заботы о себе» (соматической культуры)? Поиску ответов на эти вопросы посвящена данная статья.

Ключевые слова: маскулиная телесность; мужчины рабочих профессий; мужская сексуальность; мужской субъект; соматическая культура; Россия

Кризис маскулинности в современных условиях ставит под вопрос многие привычные тезисы гендерной теории. Сфера тяжелого физического труда традиционно считается мужской, а мужчины-рабочие привычно считаются основными трансляторами нормативной мужественности¹. Однако в 1990-е годы, когда прои-

---

¹ Рэйвин Коннелл под нормативной мужественностью (гегемонной маскулинностью) понимает не столько тотальный контроль, сколько эффективный способ легитимизации гендерного порядка, осуществляемой посредством применения власти и экономического капитала (Connell 1996:37). Для нормативной мужественности характерны гетеросексуальные отношения в традиционном браке, значительные экономические средства и физическая сила, возмож-

зошло снижение статуса и ухудшение экономического положения российских рабочих, классическая маскулинность была поставлена под вопрос (Kiblitskaya 2000:91, 94, 96, 100).

Исследователи постсоветских гендерных отношений фиксируют «кризис маскулинности» (Здравомыслова и Тёмкина 2002б), возникающий в переходный период от советского общества к постсоветскому. Он характеризуется невозможностью соответствовать классическим социальным образцам традиционной мужественности, несамосохранным телесным поведением, деструктивными телесными практиками, вредными привычками, несчастными случаями, высокой подверженностью заболеваниям. Вместе с тем на фоне формирования новой системы гендерных отношений, встроенной в экономику либерального типа, закрепляются скорректированные образцы гегемонной маскулинности (Здравомыслова и Тёмкина 2006). «Мужчина становится тем самым либеральным субъектом, который является основой “настоящего” патриархата, никогда не достигаемого в советское время» (Здравомыслова и Тёмкина 2002б:451).

В современном доминирующем дискурсе отражено либо классовое, либо присущее определенной среде измерение гегемонной маскулинности: «Образ мужественности оформляется стилистически – тиражируемым в средствах массовой информации обликом физически сильного, здорового, богатого, дорого и со вкусом одетого мужчины» (Здравомыслова и Тёмкина 2002б:451)². В то же время средства массовой информации воспроизводят стереотипический образ рабочего как «бесперспективного», необразованного, с низким уровнем культуры и небольшой заработной платой, плохим здоровьем, без свободного времени и обладающего невысоким социальным статусом, и все это, как отмечают исследователи, приводит к символической девальвации традиционных форм ручного труда в постсоветской России (Уокер 2012:533; Walker 2011). Как показывает Ребекка Кей, опираясь на результаты анализа российской региональной печатной прессы и интервью с рабочими из Калуги и Барнаула, рабочие, хотя и стремятся отвечать новому идеалу «настоящего» мужчины, не могут поддерживать и воспроизводить нормативные образцы гегемонной маскулинности в условиях неустойчивого рынка труда (Кау 2006:87). Так, в условиях социально-экономического кризиса физическая сила перестает быть неоспоримым ресурсом, позволяющим мужчине соответствовать нормативному образцу мужественности.

В современных мужских исследованиях тема телесности, как правило, не является центральной, либо вовсе исключается из рассмотрения (Кон 2003; Омельченко 2008). Между тем телесность и связанные с ней представления являются

ность навязывать представления и определять ситуацию в своих терминах. Она позволяет занимать доминирующие позиции в социальной иерархии, а исключаемым паттернам маскулинности и фемининности отводит подчиненные позиции. Как пишет Джефф Хёрн, гегемония и нормативность конституируются посредством политических техник патриархального социального порядка, воспроизводящегося в результате коммерциализации средств массовой информации, воздействия рекламы, стереотипических представлений и образов, репрезентирующих маскулинность (Hearn 2004:57).

² Об образе «успешного» мужчины в СМИ см. также: Чернова 2002; Ваньке 2011.

неотъемлемой частью субъектности. Согласно австралийскому социологу Рэйвин Коннелл, нормативная маскулинность производится при помощи дискурсов и практик (Connell 1995:45) – посредством создания тела (*body building*) в процессе повседневного взаимодействия. Она задается определенными положениями, позами и движениями, наличием определенных физических навыков и способностей. Маскулинность формируется системой телесных репрезентаций и восприятием одного тела другими, ее определяют также те способы, которыми тело действует в сферах работы и досуга (Connell 1996:84). Мужское тело рассматривается Коннелл как специфическая арена (Коннелл 2001:854) или «калейдоскоп социальных значений» (Connell 1996:83), которые связывают мужское тело с измерением символического. Обращая внимание на телесность рабочего-мужчины в современной России, мы оказываемся перед одним из наиболее дискуссионных явлений, находящихся на пересечении множественных социальных, гендерных, культурных и исторических трансформаций.

Опираясь на подход, предложенный Коннелл, мы рассмотрим феномен маскулинной телесности, которая задействуется в процессе выполнения трудовых операций, а также реализует себя в приватной сфере. Под маскулинной телесностью мы понимаем, с одной стороны, дискурс о мужском теле, с другой стороны – телесно-дискурсивную практику (Фуко 2004:311; Bourdieu 1995), актуализирующую себя в диалогической ситуации интервьюирования – беседе между респондентом-мужчиной и социологом³. В статье будут рассмотрены следующие вопросы: как и что мужчины-рабочие рассказывают о своем теле? Как маскулинная телесность соотносится с режимами труда на московской стройке и петербургском заводе? Каковы сексуальные стратегии, реализуемые мужчинами рабочими? Какова их соматическая культура?

Все эти исследовательские вопросы задают и логику структуры статьи. Сначала мы восстановим семантическое поле и реконструируем смыслы, содержащиеся в рассказах о теле мужчин-рабочих, и то, как на восприятие тела влияют режимы труда в каждом отдельном случае (на стройке в Москве и на заводе в Петербурге). В нашем исследовании режим труда есть порядок, в рамках которого по отношению к телу индивида применяются властные технологии с целью максимизации его полезности (Фуко 1999:200–201). Затем мы обратимся к тому, как телесность мужчин-рабочих реализуется в режиме приватной сферы, участвуя в производстве маскулинного субъекта. Далее мы реконструируем сексуальные стратегии строителей и заводских рабочих и попытаемся понять, как они соотносятся с их трудовыми режимами. Затем будут рассмотрены особенности соматической культуры и практики «заботы о себе», распространенные среди мужчин рабочих профессий. Под соматической культурой мы понимаем то, как рабочие относятся к своему телу, здоровью и удовольствиям; то, как они вербально выражают свои телесные состояния и чувства (Boltanski 1971).

---

³ Более подробно о том, как телесность создается в коммуникативной ситуации диалога см.: Roderick 1995:133.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая база исследования состоит из 20 глубинных биографических интервью продолжительностью от сорока минут до двух с половиной часов с мужчинами рабочих профессий, в возрасте от 20 до 55 лет, проживающими в столичных российских городах, крупных промышленных центрах – Москве и Санкт-Петербурге. Коллекция интервью пополнялась в период с 2010 по 2011 год. Настоящие имена собеседников в статье заменены вымышленными для соблюдения анонимности. Местами работы наших респондентов являются частные предприятия и производства: заводы, стройки, склады, верфи, порты, доки, автосервисы. Нами также было опрошено несколько рабочих-фрилансеров (например, промышленный альпинист, получающий доход от сдельных проектов по реставрации зданий в Петербурге). Респонденты представляют широкий спектр рабочих специальностей: сварщик, слесарь, проходчик, бетонщик, горнорабочий, грузчик, промышленный альпинист (полный перечень профессий см. в приложении «Список респондентов»). Каждая из этих специальностей предполагает ручной труд и использование физической силы.

Доход респондентов колеблется от 20 до 40 тысяч рублей в месяц (в зависимости от города, в котором они работают, типа предприятия и позиции, занимаемой ими в производственной иерархии). Большинство опрошенных мужчин (12 из 20) имеют среднее специальное образование, полученное в советский период в училищах. Четверо получили высшее образование по специальностям «агроном», «инженер» или в данный момент учатся в институте на отделении менеджмента. Один респондент имеет неоконченное высшее образование. Трое после окончания одиннадцати классов средней образовательной школы сразу стали заниматься ручным трудом. В выборку попали семь респондентов молодого поколения в возрасте от 20 до 29 лет, пять относятся к группе 30–39 лет, пять принадлежат к поколению, чей возраст расположен в интервале 40–49 лет, и три респондента относятся к старшему поколению мужчин 50–55 лет. Половина всех опрошенных рабочих состоит в официальном или гражданском (фактическом) браке. Двое из двадцати разведены. Вторая половина опрошенных холосты и не имеют постоянного партнера (лишь один из десяти встречается с девушкой). Стоит отметить, что возраст холостых рабочих – от 20 до 35 лет. Все двадцать респондентов определили свою ориентацию как гетеросексуальную.

Наши беседы начинаются с короткого представления интервьюера – исследовательницы, которая ведет проект по изучению маскулинной телесности. Тема исследования поначалу кажется рабочим неожиданной и двусмысленной. Далее следует просьба: «Расскажите, пожалуйста, о своем теле первое, что приходит в голову», которая имеет целью вынести на поверхность знание, сопряженное с телесностью, что поначалу «сбивает с толку» наших собеседников:

Интервьюер: Я – социолог и занимаюсь исследованием мужского тела. Поэтому я попрошу Вас...

Респондент: Раздеться...

И: ...нет. Рассказать о своем теле все, что Вы думаете... Или просто о теле... (Виталий, 27 лет, сварщик кузовного цеха, завод «Ниссан», 4.01.2011, СПб).

Интервьюер: ...расскажите про свое тело. [...]

Респондент: Я даже не знаю, как ответить на вопрос. Никогда не задумывался как-то (Рамиль, 54 года, стропальщик, стройка N, 12.02.2011, Мск).

Что дает нам такой подход, провоцирующий «сдвиг» в обыденном восприятии действительности? Во-первых, он позволяет перенести субъективный телесный опыт в режим говорения о теле. Так возникает дистанция между телесностью субъекта и тем, что субъект думает и говорит о своей телесности. Во-вторых, этим непривычным вопросом мы задаем тему и очерчиваем границы разговора. Если бы беседа имела форму стандартного биографического интервью, то мы получили бы информацию, которая во многом не касается маскулинной телесности.

Далее при помощи наводящих вопросов мы выстраиваем с собеседником разговор о мужском теле, помещенном в рамки трудового и частного пространств. Организуя речь вокруг такой необычной для российского контекста темы, мы обнаруживаем, что подобные вопросы присутствуют в сознании рабочих, но их знание о своем теле носит неосознанный характер. Проблемы телесности нечасто артикулируются ими в обыденной речи, а если и проговариваются, то в связи с нездоровьем и спортом – в случае старшего поколения – и в связи с сексуальностью – в случае поколения молодого. Частые затруднения при ответах на наши вопросы демонстрируют «нехватку» языка, с помощью которого наши собеседники могли бы осмысливать тело и артикулировать телесное знание (Keller und Meuser 2011:10).

Гид нашего интервью содержит несколько тематических блоков, в которых мужская телесность рассматривается через 1) систему труда, 2) частную сферу, 3) условия формирования телесных практик в родительской семье и юношеский период. Интервью завершается проективными вопросами о желаемом «идеальном» теле или о таком теле, которое, по мнению собеседника, должно быть у мужчины.

Постепенно в ходе исследования выяснялось, что рассказы о телесности в системе трудовых отношений выстраиваются вокруг разных аспектов физического и психического состояния тел мужчин-рабочих. В статье мы соотносим эти рассказы с организацией труда на стройке и заводе. Ключевыми параметрами для сравнительного анализа выступают: дискурсы о маскулинной телесности и сексуальности (о раскрытии сексуальной идентичности в биографическом интервью см. Здравомыслова и Тёмкина 2002а); описания профессий, пересекающиеся с повествованием о телесных навыках, применяемых в процессе ручного труда; условия труда; система трудовых отношений; трудовая дисциплина и формы контроля; а также пространственно-временная структура места работы.

МУЖСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В ТРУДОВОМ РЕЖИМЕ СТРОЙКИ, МОСКВА

Московская стройка N – на ней нам удалось побывать три раза – располагается в черте города и представляет собой огороженное забором пространство под открытым небом периметром в один километр, где в любую погоду трудятся представители различных специальностей. Время работы ненормированное, шесть дней в неделю с одним выходным. Зарплата сдельная, зависит от объема выпол-

ненной работы, в среднем составляет 30–40 тысяч рублей в месяц. Строители находятся между собой в отношениях сотрудничества, совместно решают поставленные задачи, порой в неформальном ключе. Тем не менее отношения выстраиваются согласно строгой иерархии: рабочий – бригадир – прораб – начальник строительного объекта. Средний возраст интервьюируемых составляет 45–50 лет, что соответствует обычному возрасту рабочих на этой стройке. Стаж работы некоторых строителей в организации насчитывает более десяти лет.

Рассмотрим несколько высказываний из интервью с Иваном (46 лет), бригадиром, проходчиком:

Интервьюер: ...я попрошу Вас рассказать о своем теле. Первое, что приходит в голову.

Респондент: В смысле? Когда спишь, когда работаешь?.. Да я не знаю. Ну, если давно работаешь, как спортсмен, уже не ощущается ничего. Я уже 23 года одной и той же работой занимаюсь... Ну, как ощущается? Ну, в принципе, одну и ту же работу делаешь, как спортсмены натренированы – нормально... Ну, когда нагрузки большие, то все равно побаливает так... ноги, руки. Арматуру когда наворачиваешь, там 36-ю, 32-ю. Так что... ощущения. Когда человек работает, какое ощущение должно быть? Где-то болит, где проходит.

...В Москве если живешь, там по вечерам в футбол играем, в волейбол. Зимой не очень, а летом. Или в хоккей так побегаешь. Также ощущение приятное. Здесь на работе иногда приятно. Если хорошая зарплата, конечно, приятно работать. А если плохая зарплата, уже не хочется – через «не могу». Так и тело чувствует стремление к тому, чтобы работать. Получить там что-то (Иван, 46 лет, проходчик, бригадир, стройка № 5.02.2011, Мск).

В начале беседы возникает некоторое напряжение из-за непонимания Иваном просьбы рассказать что-либо о своем теле. Подобный вопрос не является для него обыденным и вызывает сложности, поэтому он задает уточняющий вопрос: «В смысле? Когда спишь, когда работаешь?» Но уже в самом этом вопросе содержится распространенное для рассказов рабочих противопоставление «статичного тела», находящегося в состоянии сна во время отдыха, и «активного тела», находящегося в состоянии бодрствования во время работы. Далее Иван сравнивает ощущения от работы и спорта: «если давно работаешь, как спортсмен, уже не ощущается ничего», проводя аналогию между этими видами физической активности. Другая смыслообразующая категория этого фрагмента – «боль», которую испытывает тело во время и после физических нагрузок. Тема телесной боли наиболее часто проговаривается в интервью мужчинами старшего поколения, но присутствует и в рассказах молодых мужчин, которые получают травмы на производстве. При этом категория боли соотносится с восприятием мужчиной своей телесности в перспективе «старения» организма и «возраста».

Во втором фрагменте Иван переводит разговор с темы «тело в спорте» на тему «тело на работе», используя связующую категорию «удовольствие», которая выражается при помощи таких слов, как «приятно», «чувствуется стремление к...», «не хочется»: «Если хорошая зарплата (курсив автора. – А.В.), конечно, приятно работать. А если плохая зарплата, уже не хочется – через “не могу”».

Так и тело *чувствует стремление* к тому, чтобы работать». Таким образом, телесность проговаривается в соотношении с категориями «работа» и «зарплата». Физический труд, выполняемый телом, воспринимается в качестве основного источника заработка.

Для сравнения рассмотрим выдержки из интервью с молодым рабочим Георгием, окончившим медицинское училище в Приднестровье и приехавшим на заработки в Москву:

Ну, я себя чувствую нормально. Отлично. Молодой. Тридцать два года. Физическая работа не напрягает как бы сильно. Ну, нормально себя чувствую. При снеге при этом есть форма, плащи, перчатки, по технике безопасности все хорошо. В принципе, «на пять». Нормально. Как бы в тридцать два года нормально себя чувствую...

А-а-а! Ну, о теле как можно судить? По погоде тоже. Если вот снег, дождь, работу делаем. Ну, там тоже, если немножко тяжело, то я всегда вспоминаю о семье, вот о своей будущей жене, и меня это подбадривает. Я работаю хорошо. Работа стабильная. Здесь не так, как сейчас: есть, потом нету, потом не заплатят (Георгий, 32 года, бетонщик, стройка N, 5.02.2011, Мск).

Высказывание демонстрирует восприятие Георгием своей телесности через категорию «нормы» – приемлемое состояние тела, удовлетворительные условия работы и легальное пребывание в России. «Норма» связана также с категорией «возраст». Георгий описывает себя, используя такие слова и выражения, как «молодой», «тридцать два года», «нормально себя чувствую», «отлично», «на пять». Третий аспект артикуляции телесного опыта связан с восприятием своей телесности через погодные условия, в которых трудятся строители: «*при снеге... есть форма*», «если вот *снег, дождь, работу делаем*». «*Ну, о теле, как можно судить? По погоде тоже*». Ощущение телесного неудобства от физической работы (плохие погодные условия, усталость) компенсируются, как и в рассказе Ивана, стабильным заработком.

Приведенные выдержки из интервью довольно типичны. Большинство рассказов о мужском теле разворачиваются в перспективе времени и старения, через категории возраста, стажа работы и физических возможностей организма. Наши собеседники говорят в связи со своим телом о здоровом образе жизни, хорошем питании, которое должно компенсировать издержки физического труда, об удовольствии от занятий спортом. Проводятся аналогии между спортивными тренировками и физической работой, говорится о привыкании к работе и о неощутимости нагрузок, что объясняется рутинизацией трудового процесса через приобретение телесных навыков в ходе длительной профессиональной деятельности. Речь заходит также о тяжелой физической нагрузке, болевых ощущениях и профессиональных заболеваниях⁴. Строители говорят о первичных потребностях организма в пита-

---

⁴ «Проходчик и на молотке работает, с отбойным молотком. А с отбойным молотком – это тоже такая тяжелая работа, по костям дает. Болезнь такая даже есть... забыл, как называется. Когда с отбойным молотком работаешь долго, по рукам дает, кости даже болят» (Иван, 46 лет, проходчик, бригадир, стройка N, 5.02.2011, Мск).

нии и отдыхе, а также об ощущениях тела во время неблагоприятных погодных условий, используя такие противопоставления как «холодно – жарко», «сухо – мокро», поскольку проводят большую часть времени на открытом воздухе.

Исходя из анализа вышеприведенных высказываний, мы можем сделать предварительный вывод о том, что в ряду категориально-смысловых связей прослеживается функциональное отношение к телу, выступающему инструментом для получения заработной платы, а физическая сила служит ресурсом для поддержания мужественности классического типа. Подобные наблюдения, но в ином ключе делают Михаэль Мойзер и Корнелия Бенке, а также Елена Мещеркина, говоря о прагматичном отношении рабочих к традиционной маскулинной идентичности, как в сфере труда, так и в семейной сфере (Мещеркина 2002:286; Behnke und Meuser 1999:66; Meuser 2010). Мы согласимся с этим наблюдением отчасти и далее продемонстрируем на собранных нами материалах, что далеко не все рабочие придерживаются подобной модели маскулинности.

МУЖСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В ТРУДОВОМ РЕЖИМЕ ЗАВОДА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Нами было опрошено шесть мужчин с трех петербургских заводов: «Ниссан», «Нокиан» и «Шинь Ян Рус». В ходе интервью респонденты рассказывали о своем предыдущем трудовом опыте на других производствах – «Хёндай», «Форд», «Мастерлес» и др., а также о своей работе на Адмиралтейских верфях и в порту. Этим мужчин объединяет то, что их трудовая деятельность сопряжена с большими физическими нагрузками. Завод – закрытое пространство, в которое можно пройти только по пропуску. Если на стройку нам удалось попасть и увидеть ее своими глазами, то о пространственно-временной структуре завода мы делаем выводы по рассказам наших собеседников, по их фотографиям и видеосъемкам. Крупные производства зачастую располагаются за чертой Петербурга. Время здесь нормировано и четко регулировано, работа осуществляется посменно – бывает утренней, дневной и ночной. Объем производства, так же, как и время, закреплён в нормативах. Присутствует иерархия (хотя и менее жесткая, чем на стройке) и система контроля за сотрудниками (для сравнения о структуре московского завода см.: Kiblitckaya 1997).

Средняя зарплата заводского рабочего в Петербурге составляет 20–25 тысяч рублей в месяц, что заставляет мужчин выходить на работу дополнительно, в неурочное время. Не успевая восстанавливать силы, они получают производственные болезни и травмы, переутомляются, нанося большой вред своему здоровью⁵.

---

⁵ Схожее наблюдение делает промышленный социолог Алексей Роцин, проводивший в 2008–2013 годах исследование ручного труда в российских регионах: «Выходные сутки жителям малых городов требуются не для отдыха, а для подработок. Рабочие-отцы семейств в эти выходные часто занимаются “таксованием”, если у них есть автомобили... И женщины, и мужчины в выходные и “отсыпные” дни (после ночных 12-часовых смен) занимаются своим подсобным хозяйством: большинство выращивает овощи и фрукты на зиму на своих огородах... Подработки и выращивание картошки – жизненная необходимость для рабочего в провинции, так как зарплаты в 10–15 тысяч “на жизнь” очевидно недостаточно...» (Роцин 2013).

Заводские рабочие вынуждены подрабатывать по выходным, например, в качестве грузчиков или сборщиков театральных декораций⁶. Сменный график на петербургском заводе в дневную и ночную смену нарушает сон, негативно влияет на нервную систему и ведет к психическим расстройствам. Такая ситуация приводит к тому, что тело рабочего подвергается сверхэксплуатации и быстро стареет (Wolkowitz 2006:57). Средний возраст опрошенных нами составляет 30–35 лет.

Остановимся подробнее на случае автомобильного завода «Ниссан», для которого характерна высокая текучесть работников. На вопрос интервьюера о том, что происходит с телом на работе, сварщик кузовного цеха Виталий отвечает короткой фразой: «оно умирает» (Виталий, 27 лет, сварщик кузовного цеха, завод «Ниссан», 4.01.2011, СПб). В контексте всего интервью это высказывание можно прочитать следующим образом: тело заводского рабочего отчуждается и истощается от трудовых перегрузок, плохих условий труда, жесткой дисциплины. Это высказывание передает ощущение подавленности и переживания Виталия по поводу его ухудшившегося в связи с тяжелой работой физического и ментального состояния. Эти эмоции были зафиксированы автором статьи в полевом дневнике во время проведения интервью. Обобщая данные интервью со сварщиком завода «Ниссан», мы можем сделать вывод о том, что респондент рассматривает свою телесность в системе производства через категории «время», «пространство» и «скорость»; через такие семантические связки, как «возраст» – «старение» – «смерть».

Заводской рабочий должен уложиться в норму. Для сварщиков кузовного цеха она составляет 80–87 кузовов за смену. При этом на заводе не соблюдаются санитарные нормы, а условия труда наносят вред здоровью не только физическому, но и психическому. Об этом свидетельствуют следующие высказывания рабочих:

Сильные загрязнения. Первое – это раздражения всего, как бы всех слизистых... не знаю, всех дыхательных путей, даже уши болеть начинают от этой пыли... То есть у меня такого с ушами до завода вот этого, до вот этой химии, что в воздухе: свинец, цинк – там все летает – у меня не было такого, чтобы вытаскиваешь из ушей серу, там могла быть кровь... Это на заводе только началось. А в остальном... очень тяжелый график. И из-за графика такая штука получается, что сон нарушается, просто смертельно нарушается. [...] Нервная система начинает разваливаться на раз (Виталий, 27 лет, сварщик кузовного цеха, завод «Ниссан», 4.01.2011, СПб).

...У нас жесткий очень режим... Мы нервные, многие из нас нервные, это факт. Я знаю, что я стал более где-то агрессивным даже, несдержанным. Все это нервы, все это психо... А по большому счету, раздражают уже те вещи, на которые другой человек на другом месте работы, он просто не обращает на это внимание (Арсений, 33 года, слесарь механосборочных работ, завод «Ниссан», 16.04.2011, СПб).

Данные высказывания принадлежат разным респондентам – Виталию и Арсению, но их объединяют категории «боли» и «болезни», которые испытывает тело

---

⁶ Интервью с Иваном, промышленным альпинистом, 29 лет, 3.11.2010, СПб.

рабочего из-за тяжелых условий труда. Для проговаривания телесности используются такие выражения, как «раздражение... всех слизистых», «всех дыхательных путей», «уши болеть начинают», «вытаскиваешь из ушей серу, там... кровь», «нервная система начинает разваливаться», «мы нервные» и другие. Причиной старения и нездоровья являются неблагоприятные условия труда и нарушение санитарных норм; тяжелый режим, сбивающий биологические часы организма (завод расположен в ста километрах от Петербурга, в утреннюю смену работникам приходится вставать в 4:45, чтобы в 8:00 быть на рабочем месте); дисциплинарная система контроля, оказывающая влияние на нервную систему; и, наконец, производственные травмы и профессиональные заболевания⁷.

Заводская система труда построена таким образом, что время, перемещения и другие действия рабочих четко регламентированы производственными циклами. Их действия дробятся на операции и доводятся до автоматизации, по словам Арсения, превращая тела рабочих в «биомассу»:

Мы и так восемь часов в сутки, то есть треть жизни проводим на работе... а на работе, особенно если это касается конвейерного производства, мы просто биомасса, практически без мозгов. Нас научили делать конкретно этапность операций, за ней то, то и то. И так целый день: тыкдык, тыкдык, тыкдык, пять минут – чик, отщелкало, по новой опять пошло: тот болт, этот болт, третий болт. Время пошло. Первый болт, второй болт, третий болт. То есть, и так целый день (Арсений, 33 года, слесарь механосборочных работ, завод «Ниссан», 16.04.2011, СПб).

Высказывание Арсения также демонстрирует автоматизацию и инструментализацию тела работника при его взаимодействии с механизмом (в данном случае станком), который участвует в производстве материальной продукции. О фрагментации производственных циклов и механизации «живого труда» как способе его отчуждения через телесный габитус рабочего на автомобильном заводе «Пежо» пишут Дюран и Хатсфельд (цит. по: Wolkowitz 2006:62–63). Исследователи приводят в качестве примера таблицу временных нормативов и операций, которые выполняются французскими рабочими через прописанные интервалы времени на рабочей станции. Так владельцы производства через систему детальных механизмов регуляции, менеджмента, организации пространственно-временных порядков и дисциплинирования телесно-ментальных схем работников стремятся управлять их телесным капиталом (Wacquant 1995, 2004). Тело рабочего на работе не принадлежит ему. Понятие «биомассы» как коллектива «без мозгов», который регулируют менеджеры, отсылает нас к понятию биовласти Фуко как практики преобразования, управления и контроля над телами работников (Фуко 2005:256; 2011:16–17). «Биомасса» – категория, через которую, по мнению Арсения, рабочий коллектив воспринимается управляющими. Она

---

⁷ Похожее описание условий труда на заводах в провинции мы находим у Рошина: «Помимо запыленности и загазованности воздуха вредными веществами, чрезмерной жары и чрезмерного холода на почти всех предприятиях есть, конечно, и такие вредные факторы, как шум и вибрация. Причем из шумов особенно опасны низкие, то есть инфразвуки, “от которых у нас стаканы на столах постоянно трясутся”, как говорят рабочие» (Рошин 2013).

противопоставляется далее в интервью организованному коллективу и профсоюзной борьбе, в ходе которой рабочие обретают свою субъектность и конституируют свою мужественность.

Несмотря на свою тотальность, властный порядок завода открывает поле для экспериментов, сопротивления и познания:

...мы провели тут небольшой эксперимент. Выключили свет буквально секунд на пятнадцать и мощным фонарем, лучом света просветили весь цех насквозь, сто метров. И вот видно, как в луче света летает пыль, сажа, как-то, может быть, не знаю, ну, в общем, мелкодисперсная пыль. Это может быть силик, это может быть сажа, это может быть химия. У нас стекло. Ни за что нельзя взяться без перчаток, потому что руки сразу черные (Всеволод, 25 лет, оператор по изготовлению резиновых смесей, по совместительству водитель погрузчика, завод «Нокиан», 18.04.2011, СПб).

Спонтанный эксперимент Всеволода демонстрирует то, каким образом рабочие могут вырабатывать тактики отправления контрвласти. В ходе эксперимента рабочие практически познают границы заводской дисциплинарной системы, приобретая знание о том, как она функционирует.

СЕКСУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И ЧУВСТВЕННОСТЬ МУЖЧИН-РАБОЧИХ

Далее очертим сексуальные стратегии мужчин рабочих профессий, сопоставив сексуальную жизнь строителей, в большинстве состоящих в браке, и заводских рабочих, как правило, не имеющих постоянного партнера. Мы предпримем попытку проверить гипотезу Э.П. Томпсона о том, что дисциплинарное регулирование времени и пространства на производстве «переносится» на управление внерабочим временем (цит. по: Wolkowitz 2006:57). При этом мы полагаем, что подобный перенос осуществляется через контроль над телом рабочего.

Вопросы мужской сексуальности рабочих-строителей с затруднениями раскрываются в ходе бесед. Однако, если они затрагиваются рассказчиком, то это часто происходит через сравнение своего сексуального поведения в молодости, которая пришлась на советское время, и отношений современной молодежи на примере поведения своих детей. Здесь необходимо учитывать то, что опрошенные нами строители – это мужчины среднего возраста (45–55 лет), а также и то, что мы проводили интервью во время рабочего дня, «вынимая» рабочего из производственного процесса и погружая его в область интересующей нас проблематики. В одном из восьми интервью в разговоре между двумя строителями возникли фигуры «супруги» и «любовницы», наличие которых связывается с полноценной жизнью «хорошего мужика»:

Интервьюер: А какое тело у мужчины должно быть, как вы думаете?

Респондент-1: ...вот мне одна сказала женщина: оно должно быть упругое, не как пельмень... Ну, я думаю, да. Должна быть широкая грудь, плечи. Мужчи-

ку что надо? И крепкие руки. Что еще мужику надо, [обращается к P-2⁸ по имени]?

P-2: Чтобы была хорошая жена и любовница хорошая.

P-1: Д-а-а, у хорошего мужика и любовница тоже есть.

P-2: Конечно, должна быть.

P-1: Конечно. Как же...

P-2: Как же без любовницы? Это тогда не жизнь получается

(P-1: Рамиль, 54 года, стропальщик; P-2: Рустам, около 45 лет, прораб, стройка N, 12.02.2011, Мск).

В этом диалоге мужской субъект – «хороший мужик» – определяется, во-первых, посредством телесных параметров. По словам Рамиля, тело мужчины должно быть «упругим» с «широкой грудью, плечами» и «крепкими руками». Во-вторых, мужской субъект создается за счет утверждения своей сексуальности. «Хорошее», в данном случае – постоянное и «полноценное» сочетание супружеского секса и секса с любовницей, служит показателем «мужской» состоятельности и средством поддержания уверенности в себе. Анна Тёмкина называет такой сценарий достижительным: он служит «средством достижения “правильной” гендерной идентичности» (Тёмкина 2008:259, 262). Тема адюльтера была затронута мужчинами-рабочими в двух интервью из двадцати. Отметим также, что все опрошенные строители аполитичны, состоят в браке и имеют детей. Стабильная работа с приемлемым эмоционально-профессиональным климатом соотносится с постоянными семейными и сексуальными отношениями.

Специфика работы на заводе отражается на сексуальной жизни мужчины. Все опрошенные нами заводские рабочие имеют нестабильные сексуальные и семейные отношения. Двое мужчин из шести (25 и 27 лет) никогда не состояли в браке и не имеют постоянного партнера. Еще двое (30 и 45 лет) разведены и на данный момент состоят в свободных отношениях. Один из шести (33 года) назвал себя «закоренелым холостяком» и имеет случайные сексуальные связи. Один мужчина (31 год) состоит в браке, но изменяет своей супруге с разными партнершами.

Разберем подробнее последний случай – рабочего с завода по производству резиновых смесей «Нокиан» по имени Даниил. Его детство прошло на улице в дворовой компании, профессий своих родителей он не помнит, образование получил среднее, является профсоюзным активистом, участвует в борьбе за соблюдение трудовых прав, повышение заработной платы и улучшение условий труда на своем заводе. Супруга Даниила зарабатывает больше, а сам он рассматривает себя как «неуспешного» в общепринятом представлении, поскольку «успех» соотносится, по его словам, с финансовым положением и продвижением по служебной лестнице. Рассказ Даниила о телесности все время пересекается с рассказом о сексуальной активности, помимо этого он немного говорит о своих спортивных достижениях в юношеский период. При этом в повествовании присутствуют не-

---

⁸ Высказывания P-2 – реплики стороннего участника интервью, мужчины 45 лет, прораба стройки N, который принял эпизодическое участие в беседе.

явные аналогии между спортивными занятиями, сексом и работой, которые в начале нашего разговора не являются для самого респондента очевидными. Рассмотрим высказывания:

И: Где ты получаешь больше удовольствия?

Р: [Пауза] Наверное, все-таки секс не с женой. С женой это как бы на данный момент уже исполнение супружеского долга. Грубо говоря, разнообразия как такового нет. А то, что за квартирой, за женой происходит – там уже на что хватает фантазии, там уже разнообразие, разные партнеры. [...] Работа в принципе, моя работа, она в принципе никак не похожа на секс, а спорт – да, похож на секс вне дома, разнообразие, движуха и так далее. Опять же, смотря какой спорт.

Ну, секс без чувств. То есть ты пришел в клуб, выпил, снял матрешку, ну и, собственно, у тебя цель только одна – нагнуть. Ты удовлетворил свои потребности, развернулся и ушел, грубо говоря. И секс с чувствами – это как бы уже более тонкий момент, когда нужно приласкать и да, уже с человеком, которого любишь, гораздо приятнее, чем просто там с кем-то непонятным... все более эмоционально (Даниил, 31 год, оператор-наладчик, завод «Нокиан», 18.04.2011, СПб).

Сексуальная жизнь разделяется Даниилом на «супружеский секс» и «секс вне дома». Первый объясняется выполнением «супружеского долга» и предполагает рутинную и монотонную работу, не только физическую, но и эмоциональную. Последний же связывается с разнообразием, риском, азартом, спортивным интересом и достижением своих целей. И спортивный успех, и сексуальный служат средством поддержания мужской состоятельности. Сексуальность на протяжении всего интервью представляется природной потребностью, в некоторых местах – потребностью «животной», а Даниил далее в интервью презентует себя в качестве охотника-завоевателя, который «в свои тридцать один все равно высматривает себе жертву на ночь», и потом с помощью разговора склоняет ее к сексуальному контакту. Однако здесь есть и проявление заботы о любимом человеке, проявление нежности к женщине, с которой происходит эмоциональный сексуальный контакт, и он определяется как более тонкий, более чувствительный («гораздо приятнее»), как более высокий в иерархии чувственности.

Анна Роткирх в исследовании сексуальной жизни в советской и постсоветской России, основанном на автобиографиях петербуржцев, пишет, что «...работников неквалифицированного физического труда зачастую считали некультурными людьми: невоспитанными, много пьющими, грубыми, аморальными, для семей которых типична многодетность, которые склонны руководствоваться животными инстинктами и вступать в беспорядочные сексуальные связи» (Роткирх 2011:230–231). Рассматриваемая Роткирх автобиография петербургского таксиста Михаила Иванова (1935 г.р.), работавшего в молодости на петербургском заводе и прошедшего путь от представителя «нищего рабочего класса» к «среднему» (Роткирх 2011:248), сходится в некоторых точках и сексуальных сюжетах с биографическим

интервью Даниила. Лейтмотивом автобиографии Михаила (так же, как и интервью Даниила) становится тема сексуальности, которая организуется чередованием беспорядочных сексуальных связей, направленных на получение удовольствия, и стремлением к «нормальной» семейной жизни (Роткирх 2011:234). Это прагматическая (гедонистическая) стратегия сексуальности, которая характеризуется стремлением получить максимальное удовольствие от секса, в отличие от достигательной стратегии, где основная цель – показать, что ты «настоящий мужчина» (Тёмкина 2008:259).

В среде мужчин, занятых ручным трудом, встречается и противоположная – романтическая стратегия выстраивания сексуальных отношений (Тёмкина 2008:255–256). Это же отмечает и Роткирх, когда пишет о том, что единую социально-профессиональную группу «рабочих» в советское время составляли разные люди с разнообразными видами сексуального поведения (Роткирх 2011:232). Вернемся к случаю Всеволода, одновременно получающего высшее образование и работающего на заводе:

Идешь по центру или в метро, где большое количество народа. Понравится девушка, я на нее посмотрю и пойму, что хочу с ней жить всю жизнь, я к ней обязательно подойду. У меня есть понятия. Есть красивые девушки, с которыми кроме как заняться сексом никакого желания не возникает. А есть приятные девушки, с которыми хочется просто общаться, находиться, быть рядом, может быть, даже молчать. Но таких очень редко... я, может быть, сильно придирчивый какой-то вот... Я могу зацепиться за это, и для меня это катастрофа (Всеволод, 25 лет, оператор по изготовлению резиновых смесей, по совместительству водитель погрузчика, завод «Нокиан», 18.04.2011, СПб).

Это высказывание выявляет разделение женщин на тех, с которыми можно просто заняться сексом и тех, с которыми приятно находиться рядом. Последний случай сопряжен с эмоциональностью и рассматривается как редкость. Он вновь занимает в иерархии отношений более высокое положение. Необходимо отметить, что носители подобных романтизированных схем получают высшее образование и по практикам потребления вместе с интересами и отношением к здоровью отличаются от классических рабочих.

Помимо трех разных стратегий, описанных выше, рассказ о сексуальности может содержать описание некоторых сложностей, возникающих в связи с режимом и тяжестью работы. Возникающая проблема объясняется не столько физической усталостью, скорее она носит эмоциональный и психосоматический характер:

...а вот в плане секса – да, очень печально именно из-за такого ритма работы. Хотя как бы оно никак не влияет, вот именно физическая как бы часть... когда я физически работал, просто физически, работал и работал – проблемы никакой не возникало, и сейчас в принципе нет проблемы, но все равно, что-то мне кажется, в дальнейшем это будет только ухудшаться. Уже и образ жизни начинает такой: а что я буду дергаться, в конце концов, все обломается... (Виталий, 27 лет, сварщик кузовного цеха, завод «Ниссан», 18.04.2011, СПб).

Второй пример, подтверждающий данный тезис, мы обнаруживаем в высказывании Арсения: «...я не знаю, проблема это или нет, но если раньше у меня сначала возникало желание, потом возникла потребность найти объект, то теперь сначала «объект... А, может быть, это возраст. Я не могу сказать, что это из-за “Ниссана” все. Мне же уже 33 года... теперь», есть объект – есть желание, нет объекта – ну и не надо ничего» (Арсений, 33 года, слесарь механосборочных работ, завод «Ниссан», 16.04.2011, СПб).

Так дисциплинарный режим завода осуществляет регуляцию в отношении мужской телесности не только в рамках рабочего пространства, но вместе с тем упорядочивает и приватную сферу, включая сексуальную жизнь.

СОМАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СТРАТЕГИИ «ЗАБОТЫ О СЕБЕ»

Перейдем к рассмотрению соматической культуры и стратегиям «заботы о себе» мужчин рабочих профессий. Принцип «заботы о себе» не входит в противоречие с нормативной моделью мужественности и направлен на производство маскулинного субъекта – на «преобразование» и создание себя как мужчины. Он представляет собой «работу над собой и общение с другими» (Фуко 1998:54, 58, 60). Как пишет Фуко, «Забота о себе – вовсе не синекура. Здесь и уход за телом, и режим, помогающий поддерживать здоровье, и постоянные физические упражнения, и по возможности умеренное удовлетворение потребностей» (Фуко 1998:59–60).

В наших интервью мужчины рабочие зачастую бывают обеспокоены своей внешностью, лишним весом и выражают желание иметь пусть не идеальное, но здоровое тело:

Мое тело устраивает. Не хочу быть толстым, жирным не хочу быть. Мое тело устраивает. Как бог дал, так и есть. Так что... тело нужно беречь и смотреть. Нужно в рацион питания все включать, витамины всякие разные, беречь, не пить, не курить. И так вот если на работе... если будешь курить и пить – это же нагрузка для тела. Уже не то питание идет, уже не та работа. Так что я всегда стараюсь смотреть за своим телом (Георгий, 32 года, бетонщик, стройка N, 5.02.2011, Мск).

Приведенное высказывание демонстрирует проявление заботы о теле. Следует отметить, что такая стратегия реализуется респондентом, который окончил медицинское училище, но вынужден заниматься физическим трудом. Мужчины рабочих профессий с более высоким уровнем культурного капитала в большей степени склонны проявлять внимание к себе и следить за своим физическим состоянием. Один из респондентов рассказывал о своей телесности, раскрывая эту тему через тему восточных единоборств и эзотерических техник, направленных на восстановление сил, что также можно отнести к практикам «заботы о себе» и производства мужской субъектности.

Однако среди рабочих нередки случаи деструктивного отношения к своему телу. Если на стройке N. строго запрещено употреблять алкоголь, то на других строительных объектах России эта практика присутствует:

Я семь лет работал на стройке, пили мы там много... На стройке люди не то что не контролируют выходные – они на работе пьют. Они пьют на работе, очень много пьют... И они аргументируют тем, что они же работают, что у них все сезонная работа, и все время на улице. Жара – выпить, чтобы вот было чем запить, а запить, значит, прохлада. Зима – выпить, чтобы согреться (Арсений, 33 года, слесарь механосборочных работ, завод «Ниссан», 16.04.2011, СПб).

Как отмечает Марина Киблицкая, в российской индустриальной культуре пьянство является основным символом мужественности – оно поддерживает маскулинную идентичность (Kiblitskaya 2000:94). В то же время, как пишут Сара Эшвин и Татьяна Лыткина, зачастую употребление алкоголя выступает компенсаторным моментом и представляется наиболее простым временным «решением», фактически же оно является уходом от проблем, с которыми мужчины рабочих профессий сталкиваются в постсоветской России в условиях нестабильности, которая создает риски для их физического, сексуального и эмоционального здоровья (Ashwin and Lytkina 2004:202–204).

Несмотря на то, что неблагоприятные условия труда приводят рабочего к нездоровому образу жизни, мы можем наблюдать и стратегии сопротивления, проявляющиеся в бережном отношении к телу и своему эмоциональному состоянию (как в случае Всеволода, к чьим высказываниям мы уже обращались выше):

На данный момент мне сейчас 25 лет. Всю жизнь я занимался различными видами спорта, начиная от легкой атлетики. С первого класса попал в спортивный класс и сразу начал двигаться в направлении здорового образа жизни. Ну, насколько у меня это получалось. После легкой атлетики, были тяжелая атлетика, плавание, бег, какие-то упражнения, занятия спортом на любительском уровне. Со всем этим я занимался лечением, потому что после прошлой работы я получил некоторые травмы. Это была межпозвоночная грыжа, начальная стадия (Всеволод, 25 лет, оператор по изготовлению резиновых смесей, по совместительству водитель погрузчика, завод «Нокиан», 18.04.2011, СПб).

Всеволод работает на заводе и параллельно учится в институте на отделении «менеджмент организаций», пишет диплом по совершенствованию и повышению конкурентоспособности высокотехнологичной продукции – автомобильных шин. В качестве своих увлечений назвал активный отдых, туризм, альпинизм, сплав по рекам на байдарках, велосипедные кроссы, горнолыжный и конькобежный спорт, а также сноуборд, кроме того, чтение книг Валентина Пикуля и литературы по менеджменту, прослушивание успокаивающей музыки. Эти практики культурного и спортивного потребления не характерны для большей части рабочих. В силу жизненных обстоятельств Всеволод работает на вредном химическом производстве, ведет активную общественную деятельность, состоит в профсоюзе, требует вместе с коллегами соблюдения прав рабочих и улучшения условий труда. Здесь мы видим соотношение более высокого образовательного уровня с выраженным вниманием к телу и общественной активности.

Приведем другой пример совмещения мужчиной бережных и деструктивных практик:

...я давно занимаюсь именно физическим трудом. При этом ну я не знаю, смолоду я себя берег. В каком смысле? Я питался. То есть я... не то чтобы пытался купить дорогую и много еды, или еще что-то. Я наоборот себя ограничивал... Так я питался около трех лет. Поэтому я остался по нынешний день без избыточного веса. При том что я очень много употреблял алкоголя... То есть я имею в виду то, что я пил, гулял, там и прочее-прочее-прочее. Какие-то ограничения сам себе поставил (Арсений, 33 года, слесарь механосборочных работ, завод «Ниссан», 16.04.2011, СПб).

В данном случае мы наблюдаем двойственное отношение к своему здоровью. С одной стороны, респондент демонстрирует избирательность в выборе продуктов питания, предпочитая более качественные, с другой стороны, он говорит о частом употреблении алкогольных напитков. Однако речь идет об ограничении в потреблении как продуктов питания, излишек которых привел бы к избыточному весу, так и алкоголя, большие объемы которого наносят ущерб здоровью. Высказывание принадлежит Арсению – рабочему со среднеспециальным образованием, чья мать по профессии юрист, а отец был рабочим на кирпичном заводе, бабушка по материнской линии – учителем немецкого языка, а прадедушка – выходцем из купеческой семьи. Родительская семья передала респонденту значительный культурный капитал, привила критический взгляд на действительность, а также сформировала определенную соматическую культуру. Двойственность в отношении к своему здоровью может быть связана с тем, что, как рассказывает Арсений в интервью, его отец умер от тяжелой работы на заводе и пьянства.

Следующий пример – ситуация, о которой рассказывает рабочий по имени Алексей – также содержит стратегию чередования практик внимательного и безответственного отношения к себе и своей телесности:

Ну, про ожирение, про похудение, я, может быть, все-таки старого воспитания. Фигура, тело и вообще. Да, надо следить за собой, естественно... У меня из-за большого веса были проблемы с давлением. Двадцать килограмм скинул, не сидя на диетах, бегая в фитнес, – все нормализовалось.

...На заводе на работе мне приходилось таскать тяжести, общаться с людьми, очень-очень-очень много двигаться и мало питаться, то есть много кофе. Так как организм молодой, то было очень-очень много алкоголя.

Сейфити, защита любая, она защищает, но она неудобная. Целый день ходить в масках я не могу. Я шапку не люблю, я перчатки не люблю. Ну, упадет и упадет. Не надо ездить там, где упадет (Алексей, 30 лет, водитель погрузчика, завод «Шинь Ян Рус», комплектующий кузова для завода «Хёндай», 4.11.2010, СПб).

Алексей упоминает неправильный режим питания, употребление большого количества алкоголя и кофе как следствие существующей организации рабочего процесса, в какой-то период жизни он посещает фитнес-клуб и демонстрирует в ходе интервью понимание проблемы лишнего веса, наносящего вред здоровью. Вместе с этим мы видим пренебрежительное отношение к защитной одежде на

производстве, но в то же время и соблюдение техники безопасности. Таким образом, нельзя сказать, что мужчины рабочих профессий безответственно относятся к своему телу. Скорее, они склонны реализовывать стратегию совмещения бережных и деструктивных практик «заботы о себе», своем теле и здоровье. Как видно из интервью, в большей степени мужчины-рабочие обеспокоены своим питанием и лишним весом, внешним обликом, в меньшей степени – вредом, наносимым спиртными напитками, курением, иногда производственными травмами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мужчины рабочих профессий говорят о теле на работе как о подвижном, физически активном, выполняющем трудовые операции. Общим для наших собеседников является экспликация телесного знания при помощи возрастных категорий «молодости» и «старости», припоминания и сравнения прошлого состояния тела с настоящим. Ключевыми точками телесных «разломов» являются ситуации болезней и физических травм.

В статье мы рассмотрели два режима конституирования маскулинной телесности и знания о ней. Строители и заводские рабочие трудятся в дисциплинарных режимах, в рамках которых осуществляется внешнее регулирование телесности работника за счет дробления производственных циклов и трудовых операций, размещения тел в пространстве, их взаимодействия с орудиями и механизмами труда, контроля над временем. Мы обнаружили, что повествование о теле имеет соответствия со структурой рабочего пространства и времени, в которые помещен мужчина. Московские строители говорили о теле просто и оптимистично, используя категории здорового образа жизни и питания, упоминая об удовольствии от спортивных занятий. Их тела в меньшей степени подвержены контролю в силу открытости рабочего пространства, но, тем не менее, вынуждены выполнять некоторые дисциплинарные требования (например, строгий запрет на употребление алкоголя на работе).

Пространственно-временные рамки петербургского завода соотносятся с более жесткой телесной дисциплиной. Тело быстро стареет и заболевает. Рассказы носят пессимистичный, но рефлексивный характер. Речь идет не только о нездоровье и производственных травмах, но и о принципах функционирования общественного порядка. Здесь мы фиксируем критическое восприятие не только рабочего пространства, но и социального мира в целом. Респонденты с заводов чаще в ходе своей профессиональной биографии меняли места работы и имеют разнообразный опыт трудовой деятельности в качестве продавцов, официантов, грузчиков, автомобильных мастеров и т.д., а также – отстаивания своих прав на производстве и участия в профсоюзах.

Стабильная зарплата и более благоприятные условия труда строителей соотносятся с постоянством в их сексуальной и семейной жизни. Неустойчивый заработок и «сильно» дисциплинирующая система труда заводских рабочих часто не оставляет сил, времени и средств на семейные отношения, что приводит к отсутствию постоянного партнера. Сексуальная жизнь в таком случае либо вообще отсутствует, либо сводится к взаимодействию со случайными партнершами, либо

подталкивает к адюльтеру как компенсации низкой зарплаты и тяжелых условий труда. При этом сквозь рассказы рабочих о сексуальности проступает эмоциональность и апелляция к «тонкости» отношений. В ходе анализа мы обнаруживаем разнообразные сексуальные стратегии мужчин рабочих: достигательную, прагматическую и романтизированную.

В рассказах о теле наши собеседники проводят аналогию между физическим трудом, спортивными занятиями и – иногда – сексуальностью. Она возникает от того, что во всех этих сферах тело используется мужчинами как ресурс для подтверждения мужской состоятельности – конституирования маскулинной субъектности. Эта аналогия также артикулирует субъективный телесный опыт, обнаруживающий сходство между длительными спортивными тренировками и выполнением рутинных рабочих операций.

В нарративах мужчин находится место описанию практик «заботы о себе». Большинство респондентов уделяет внимание своему питанию, поскольку здоровый рацион минимизирует, по их представлениям, вред от производства. В ходе построения нашего диалога вокруг практик заботы выяснилось, что обладатели более высокого культурного капитала в большей мере склонны уделять внимание здоровью и соблюдать технику безопасности на производстве. Однако зачастую бережные стратегии «заботы о себе» вступают в сложный диссонанс с деструктивными, такими как курение и употребление алкоголя. Подобное эклектичное сочетание бережного и деструктивного отношения к телу с размытыми критериями нормы в определенном смысле отражает противоречивый характер модели маскулинной субъектности рабочих, вбирающей в себя как черты традиционной, так и новой либеральной маскулинности, а также протестной маскулинности, которая направлена на телесное сопротивление и трансформацию границ господствующих гендерного и социального порядков. Таким образом, наше исследование подтверждает тезис Коннелл о существовании множества маскулинностей, создаваемых на телесном дискурсивно-практическом уровне. При этом тело всегда было, и остается сегодня важнейшим ресурсом мужчины, занятого физическим трудом. В интервью реконструируется восприятие тела как инструмента, позволяющего выполнять ту или иную физическую работу. Способность выполнять трудовые функции зависит от физических возможностей мужчины. Работа в представлении рабочих-мужчин напрямую связана с жизненными циклами и телесными состояниями: здоровье – болезнь, молодость – старость, жизнь – смерть.

Между тем результаты исследования свидетельствуют о том, что среда рабочих мужчин перестает быть однозначной репрезентацией традиционной нормативной модели маскулинности. Она перестает быть однородной. Границы профессиональных групп, занятых физическим трудом, становятся гибкими, проницаемыми для разнообразных социальных слоев, усложняется структура потребностей и потребления рабочих-мужчин.

По типу практик телесного потребления и уровню заработной платы некоторые рабочие могут не отличаться от представителей других сред. Они, так же, как и клерки, могут увлекаться горнолыжным спортом, ездить на автомобиле, покупать модную одежду, смотреть те же фильмы. Однако, несмотря на «размывание» клас-

совых границ, в публичном пространстве по-прежнему циркулирует образ мужчины-рабочего, который считается «неудачником», а ручной труд репрезентируется как «непрестижный» (Ядов и Здравомыслов 2003:443), при том, что известно об острой нехватке квалифицированных специалистов в сфере ручных специальностей в России (Молодых 2013:22; Кау 2006:81). Подобная ситуация приводит к тому, что в современном российском обществе существуют трудности для достижения социального благополучия и поддержания психосоциального здоровья мужчин рабочих профессий (Уокер 2012:535). Противодействием символическому «кистощению» ручного труда становятся низовые инициативы и самоорганизованные коммуникативные пространства на производстве, служащие местом социальной терапии, самообразования и политической социализации, а также предоставляющие альтернативные возможности и стратегии создания маскулинной субъектности рабочих.

СПИСОК РЕСПОНДЕНТОВ

1. Алексей, 20 лет, автомобильный диагностик, автосервис К, 27.08.2010, Мск;
2. Илья, 20 лет, автомобильный мастер, автосервис L, 17.09.2010, Мск;
3. Иван, 29 лет, промышленный альпинист, 3.11.2010, СПб;
4. Алексей, 30 лет, водитель погрузчика, завод «Шинь Ян Рус», комплектующий кузова для завода «Хёндай», 4.11.2010, СПб;
5. Владислав, 22 года, электропроводчик, 4.11.2010, СПб;
6. Антон, 42 года, работник частного склада Y, 3.01.2011, СПб;
7. Виталий, 27 лет, сварщик кузовного цеха, завод «Ниссан», 4.01.2011, СПб;
8. Георгий, 32 года, бетонщик, стройка N, 5.02.2011, Мск;
9. Иван, 46 лет, проходчик, бригадир, стройка N, 5.02.2011, Мск;
10. Сергей, 53 года, слесарь, стройка N, 5.02.2011, Мск;
11. Валерий, 45 лет, горнорабочий, стройка N, 12.02.2011, Мск;
12. Валерий, 33 года, электрослесарь, стройка N, 12.02.2011, Мск;
13. Рамиль, 54 года, стропальщик, стройка N, 12.02.2011, Мск;
14. Эмиль, 45 лет, сварщик, стройка N, 1.04.2011, Мск;
15. Валерий, 55 лет, механик, стройка N, 1.04.2011, Мск;
16. Арсений, 33 года, слесарь механосборочных работ, завод «Ниссан», 16.04.2011, СПб;
17. Андрей, 45 лет, сварщик кузовного цеха, завод «Ниссан», 16.04.2011, СПб;
18. Максим, 28 лет, грузчик, частный склад X, 17.04.2011, СПб;
19. Даниил, 31 год, оператор-наладчик, завод «Нокиан», 18.04.2011, СПб;
20. Всеволод, 25 лет, оператор по изготовлению резиновых смесей, по совместительству водитель погрузчика, завод «Нокиан», 18.04.2011, СПб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ваньке, Александрина. 2011. «Мужская сексуальность в дискурсе журнала *Men's Health*». С. 178–209 в *Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Тёмкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Здравомылова, Елена и Анна Тёмкина. 2002а. «Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности». С. 549–558 в *В поисках сексуальности*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Тёмкиной. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин».
- Здравомылова, Елена и Анна Тёмкина. 2002б. «Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе». С. 432–451 в *О муже(N)ственности: Сборник статей*, под ред. Сергея Ушакина. М.: Новое литературное обозрение.

- Здравомыслова, Елена и Анна Тёмкина. 2006. «Половой вопрос: Социальное производство сексуальности». С. 161–178 в *Гендер для «чайников»*, под ред. Ирины Тартаковской и Людмилы Попковой. М.: Звенья.
- Кон, Игорь. 2003. *Мужское тело в истории культуры*. М.: Слово.
- Коннелл, Р.У. 2001. «Маскулинности и глобализация». С. 851–879 в *Введение в гендерные исследования*, Ч. II. Хрестоматия, под ред. Сергея Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя.
- Мещеркина, Елена. 2002. «Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса». С. 268–287 в *О муже(Н)ственности: Сборник статей*, под ред. Сергея Ушакина. М.: Новое литературное обозрение.
- Молодых, Андрей. 2013. «Откуда у нас руки растут». *Русский репортер* 33(311), 22 августа, с. 18–25.
- Омельченко, Елена. 2008. «Культурная география мужских тел: современный путеводитель». С. 17–44 в *В тени тела. Сборник статей и эссе*, под ред. Надежды Нартовой и Елены Омельченко. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета.
- Роткирх, Анна. 2011. *Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Рощин, Алексей. 2013. «Труд в российской провинции: ни прав, ни уважения, ни денег». *Скепсис*, 11 октября – 1 ноября. Просмотрено 6 ноября 2013 г. (http://sceptis.net/library/id_3502.html).
- Тёмкина, Анна. 2008. *Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Уокер, Чарльз. 2012. «Класс, гендер и субъективное благополучие на новом российском рынке труда: жизненный опыт молодежи в Ульяновске и Санкт-Петербурге». *Журнал исследований социальной политики* 4(10):521–538.
- Фуко, Мишель. 1998. *История сексуальности*. Т. 3, *Забота о себе*. М.: Рефл-бук.
- Фуко, Мишель. 1999. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.
- Фуко, Мишель. 2004. *Археология знания*. СПб.: Гуманитарная Академия.
- Фуко, Мишель. 2005. *Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. СПб.: Наука.
- Фуко, Мишель. 2011. *Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году*. СПб.: Наука.
- Чернова, Жанна. 2002. «Нормативная мужская сексуальность: (ре)презентация в медиадискурсе». С. 527–549 в *В поисках сексуальности*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Тёмкиной. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин».
- Ядов, Владимир и Андрей Здравомыслов. 2003. *Человек и его работа в СССР и после*. М.: Аспект Пресс.
- Ashwin, Sarah and Tatyana Lytkina. 2004. "Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization." *Gender & Society* 18(2):189–206.
- Behnke, Kornelia und Michael Meuser. 1999. *Geschlechterforschung und qualitative Methoden*. Opladen, Germany: Leske + Bundrich.
- Boltanski, Luc. 1971. "Les usages sociaux du corps." *Annales* 26(1):205–233.
- Bourdieu, Pierre. 1995. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Connell, R. W. 1995. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.
- Connell, R. W. 1996. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Hearn, Jeff. 2004. "From Hegemonic Masculinity to the Hegemony of Men." *Feminist Theory* 5(1):49–72.
- Kay, Rebecca. 2006. *Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change?* London: Ashgate.
- Keller, Reiner and Michael Meuser. 2011. "Wissen des Körpers – Wissen vom Körper. Körper- und wissenssoziologische Erkundungen." Pp. 9–30 in *Körperwissen*, edited by Reiner Keller and Michael Meuser. Wiesbaden, Germany: VS Verlag.
- Kiblitckaya, Marina. 1997. "Formal and Informal Relations: Comparative Case Studies of the Privatization of Russian and British Railway Repair Plants." PhD dissertation, Department of Sociology, University of Warwick.

- Kiblitckaya, Marina. 2000. "Once We Were Kings': Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia." Pp. 90–104 in *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, edited by Sarah Ashwin. London: Routledge.
- Meuser, Michael. 2010. *Geschlecht und Männlichkeit: Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster*. 3rd ed. Wiesbaden, Germany: VS Verlag.
- Roderick, Ian. 1995. "The Politics of Mikhail M. Bakhtin's Carni-Phallic Body." *Social Semiotics* 5(1):119–142.
- Wacquant, Loïc J. D. 1995. "Pugs at Work: Bodily Capital and Bodily Labor among Professional Boxers." *Body & Society* 1(1):65–93.
- Wacquant, Loïc J. D. 2004. *Body and Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer*. New York: Oxford University Press.
- Walker, Charles. 2011. *Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition*. New York: Routledge.
- Wolkowitz, Carol. 2006. *Bodies at Work*. London: SAGE Publications.

THE CORPOREALITY OF WORKING-CLASS MEN IN LABOR REGIMES AND THE PRIVATE SPHERE

Alexandrina Vanke

Alexandrina Vanke is a lecturer in the Department of Sociology at the Russian State University for the Humanities. Address for correspondence: Miuskaia ploshchad', 6/5, office 401, Moscow, 125993, Russia. alexandrina.vanke@gmail.com.

This article is based on the results of a project conducted at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2009–2013.

I would like to thank Elena Rozhdestvenskaya, Irina Tartakovskaya, Elena Zdravomyslova, and Angelika Litvinova for their help and discussions at different stages of my research. I am grateful to the workers who kindly agreed to participate in my research and also to the anonymous reviewers and editors of Laboratorium for their comments and remarks which improved my article.

The article considers masculine corporeality as enacted in the working spaces of a construction site and a factory and as it is displayed in the private lives of workers through their sexuality and practices of care for the self. I compare the narratives of corporeality of male blue-collar workers from Moscow and Saint Petersburg, which I collected in 2010–2011. How do workers narrate their bodies? How is masculine corporeality related to the differing labor regimes of a Moscow construction site and a Saint Petersburg factory? What sexual strategies do male workers use? And how is masculine subjectivity constituted through practices of care for the self? This article aims to answer these questions.

Keywords: Masculine Body; Blue-Collar Workers; Masculine Sexuality; Masculine Subjectivity; Somatic Culture; Russia

REFERENCES

- Ashwin, Sarah and Tatyana Lytkina. 2004. "Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization." *Gender & Society* 18(2):189–206.
- Behnke, Kornelia und Michael Meuser. 1999. *Geschlechterforschung und qualitative Methoden*. Op-laden, Germany: Leske + Bundrich.
- Boltanski, Luc. 1971. "Les usages sociaux du corps." *Annales* 26(1):205–233.
- Bourdieu, Pierre. 1995. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chernova, Zhanna. 2002. "Normativnaia muzhskaia seksual'nost': (Re)prezentatsii v mediadiskursakh." Pp. 527–549 in *V poiskakh seksual'nosti*, edited by Elena Zdravomyslova and Anna Temkina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Dmitrii Bulanin."
- Connell, R. W. 1995. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.
- Connell, R. W. 1996. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Connell, R. W. 2001. "Maskulinnosti i globalizatsiia." Pp. 851–879 in *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, Vol. II, *Khrestomatiia*, edited by Sergei Zherebkin. Kharkiv: KhTsGI; Saint Petersburg: Aleteiia.
- Foucault, Michel. 1998. *Istoriia seksual'nosti*. Vol. 3, *Zabota o sebe*. Moscow: Refl-buk.
- Foucault, Michel. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tiur'my*. Moscow: Ad Marginem.
- Foucault, Michel. 2004. *Arkheologiia znaniia*. Saint Petersburg: Gumanitarnaia Akademiia.
- Foucault, Michel. 2005. *Nuzhno zashchischat' obshchestvo: Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka.
- Foucault, Michel. 2011. *Upravlenie soboi i drugimi: Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1982–1983 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka.
- Hearn, Jeff. 2004. "From Hegemonic Masculinity to the Hegemony of Men." *Feminist Theory* 5(1):49–72.
- Iadov, Vladimir and Andrei Zdravomyslov. 2003. *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle*. Moscow: Aspekt Press.
- Kay, Rebecca. 2006. *Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change?* London: Ashgate.
- Keller, Reiner and Michael Meuser. 2011. "Wissen des Körpers – Wissen vom Körper. Körper- und wissenssoziologische Erkundungen." Pp. 9–30 in *Körperwissen*, edited by Reiner Keller and Michael Meuser. Wiesbaden, Germany: VS Verlag.
- Kiblit'skaya, Marina. 1997. "Formal and Informal Relations: Comparative Case Studies of the Privatization of Russian and British Railway Repair Plants." PhD dissertation, Department of Sociology, University of Warwick.
- Kiblit'skaya, Marina. 2000. "'Once We Were Kings': Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia." Pp. 90–104 in *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, edited by Sarah Ashwin. London: Routledge.
- Kon, Igor'. 2003. *Muzhskoe telo v istorii kul'tury*. Moscow: Slovo.
- Meshcherkina, Elena. 2002. "Bytie muzhskogo soznaniia: Opyt rekonstruktsii maskulinnoi identichnosti srednego i rabocheho klassa." Pp. 268–287 in *O muzhe(N)stvennosti: Sbornik statei*, edited by Serguei Oushakine. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Meuser, Michael. 2010. *Geschlecht und Männlichkeit: Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster*. 3rd ed. Wiesbaden, Germany: VS Verlag.
- Molodykh, Andrei. 2013. "Otkuda u nas ruki rastut." *Russkii reporter* 33(311), August 22, pp. 18–25.
- Omel'chenko, Elena. 2008. "Kul'turnaia geografiia muzhskikh tel: Sovremennyi putevoditel'." Pp. 17–44 in *V teni tela: Sbornik statei i esse*, edited by Nadezhda Nartova and Elena Omel'chenko. Ulyanovsk: Izdatel'stvo Ul'ianovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Roderick, Ian. 1995. "The Politics of Mikhail M. Bakhtin's Carni-Phallic Body." *Social Semiotics* 5(1):119–142.

- Roshchin, Aleksei. 2013. "Trud v rossiiskoi provintsii: Ni prav, ni uvazheniia, ni deneg." *Skepsis*, October 11–November 1. Retrieved November 6, 2013 (http://scepsis.net/library/id_3502.html).
- Rotkirch, Anna. 2011. *Muzhskoi vopros: Liubov' i seks trekh pokolenii v avtobiografiakh peterburzhtsev*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Temkina, Anna. 2008. *Seksual'naia zhizn' zhenshchiny: Mezhd u podchineniem i svobodoi*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Vanke, Alexandrina. 2011. "Muzhskaia seksual'nost' v diskurse zhurnala *Men's Health*." Pp. 178–209 in *Zdorov'e i intimnaia zhizn': Sotsiologicheskie podkhody*, edited by Elena Zdravomyslova and Anna Temkina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Wacquant, Loïc J. D. 1995. "Pugs at Work: Bodily Capital and Bodily Labor among Professional Boxers." *Body & Society* 1(1):65–93.
- Wacquant, Loïc J. D. 2004. *Body and Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer*. New York: Oxford University Press.
- Walker, Charles. 2011. *Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition*. New York: Routledge.
- Walker, Charles. 2012. "Klass, gender i sub"ektivnoe blagopoluchie na novom rossiiskom rynke truda: Zhiznennyi opyt molodezhi v Ul'ianovske i Sankt-Peterburge." *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 4(10):521–538.
- Wolkowitz, Carol. 2006. *Bodies at Work*. London: SAGE Publications.
- Zdravomyslova, Elena and Anna Temkina. 2002a. "Analiz narrativa: Vozmozhnosti rekonstruktsii seksual'noi identichnosti." Pp. 549–558 in *V poiskakh seksual'nosti*, edited by Elena Zdravomyslova and Anna Temkina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Dmitrii Bulanin."
- Zdravomyslova, Elena and Anna Temkina. 2002b. "Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse." Pp. 432–451 in *O muzhe(N)stvennosti: Sbornik statei*, edited by Serguei Oushakine. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Zdravomyslova, Elena and Anna Temkina. 2006. "Polovoi vopros: Sotsial'noe proizvodstvo seksual'nosti." Pp. 161–178 in *Gender dlia "chainikov"*, edited by Irina Tartakovskaia and Liudmila Popkova. Moscow: Zven'ia.